

Алиса Евстигнеева

Не верь мне

УДК 82-3
ББК 84
Е26

Евстигнеева А.

Е26 Не верь мне / Алиса Евстигнеева. – М.: Литнет, 2026. – 360 с.

ISBN 978-5-524-00254-9

Банально. Первая любовь, ранний брак, ребёнок в девятнадцать, несколько лет счастья, в итоге разбившегося о быт, проблемы и усталость.

Всё просто. Ты обидел меня. Я отомстила.

Мы не виделись шесть лет. И казалось, время уже давно расставило всё по своим местам. Вот только твой приезд докажет нам обратное.

Не верь мне. Ведь ты до сих пор не знаешь главного...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00254-9

© Литнет, 2026

© Евстигнеева А., 2026

Часть 1

Глава 1

Дом встречал меня недовольным сопением ребёнка. Ещё не успела переступить порог, как взгляд сам собой наткнулся на хмурые бровки и надутые губки.

– Крош? – настороженно интересуюсь я, предчувствуя, как мечты о сне после ночной смены разбиваются о суровую реальность матери-одиночки.

Сын недовольно топает ногой и продолжает выпячивать свои и без того пухлые губы.

– Что-то случилось? – прощупываю почву, прекрасно зная, что никто мне ничего так быстро не пояснит.

Часы показывали начало восьмого. Для воскресного утра это было непростительно рано, но у Крошика было своё мнение на сей счёт. Он рассматривает меня своими зелёными глазами, так сильно похожими на мои, а я не торопясь снимаю с себя сапоги и верхнюю одежду, давая ему возможность окончательно оформить свою обиду. А то, что деть обижен, практически написано у него на лбу. Вот бы ещё узнать, чем непутёвая мать успела провиниться за время своего отсутствия.

Сил не было откровенно ни на что, хотелось в душ и спать. А если бы не моя природная чистоплотность, я бы с превеликим удовольствием и душ миновала.

Подхватив пакеты с продуктами, увлекаю сына за собой на кухню.

Крош с самым серьёзным видом сидит за кухонным столом и крутит в руках упаковку с творожками, пока я раскидываю покупки по полкам холодильника.

На тесной кухне пахнет пирожками – вчерашний презент внукам от моей матушки, уверенной в том, что те, брошенные непутёвой матерью на произвол, растут подобно сорнякам. Отсюда и её желание в каждый свой визит подчеркнуть мою нерадивость как матери, хозяйки и жены. Впрочем, последнее давно уже было неактуально.

– Как ваш вечер прошёл? – вновь пытаюсь достучаться до сына, который всё так же игнорирует вопросы, излишне пристально рассматривая «Растишку».

Устало вздыхаю. Ну вот почему всё так? Не ребёнок, а самый настоящий партизан, неужели небесам не было угодно приложить к нему хоть какую-нибудь инструкцию по применению?

– Ты кушал вчера бабушкины пирожки?

Молчит.

– А Анята тебя не обижала?

И тут деть резко вскидывает на меня свои огромные глазёнки. О как. Кажется, угадала, может быть, всё банально, и дети просто поругались?

– Крошк... – очень жалостливо зову я сына, под стать ему надувая губы, а про себя прошу, чтобы он смиростивился надо мной. – Что там Анька наша натворила?

Он отодвигает творожок в сторону, видимо, уже готовый выплеснуть своё негодование. Подхожу и сажусь перед ним на корточки, кладя свои ладони на острые детские коленки.

– Она тебя чем-то обидела?

Вместо ответа ребёнок сначала кусает свои губёшки, а потом... А потом плотину прорывает, и он на одном дыхании выпаливает:

– Аня вчера бабушке сказала, что её папа приезжает. А почему тогда мой папа ко мне не едет?

Разговор был долгий и тяжёлый. Само то для раннего утра после бессонной ночи. Знала же, что рано или поздно сын начнёт задавать вопросы о своём отце. Знала и всё равно не была к этому готова.

Нет, это был не первый наш разговор по душам. В свои пять лет ребёнок уже давно и прекрасно всё понимал. Он ходил в садик, гулял

на улице, встречался с родственниками, слушал старшую сестру. Крош отлично представлял, что бывают семьи полные, а бывают неполные. Что у кого-то есть только мама, а у кого-то только папа, а у некоторых счастливчиков бывает полный боекомплект. А то, гляди, и больше. Вон у Лены Самойловой из его группы папы менялись ровно через каждые семь месяцев. Почему семь? Не знаю, но мы как-то с приятельницей из садика ради интереса даже подсчитали.

Семьи бывали разные. Он знал. Давно смирившись, что у нас этого самого папы нет и живём мы троём – мама Оля (это я), Крош (он) и Аня (сестра). Пару раз в неделю, когда мама Оля сбегала на работу, с ними по вечерам сидела бабушка Рита. И всех это прекрасно устраивало, ну, за исключением бабы Риты, но это была отдельная история.

Ребёнок даже прекрасно осознавал, что у старшей сестры всё-таки есть свой папа, к которому она иногда уезжала на каникулы в другой город, общалась по телефону и получала подарки по праздникам. Крош знал, переживал, но не показывал.

К тому же, мы с Аней всеми силами пытались сделать так, чтобы он не чувствовал себя обделённым. Дочь никогда не хвасталась перед братом новыми вещами или игрушками, с самого детства понимая, что мелкого это может задеть. Они вообще у меня оба были на редкость понятливыми.

Так вот, до вчерашнего вечера загадочный Анин папа оставался для Кроша существом мифическим и живущим «Гдетотам». И, возможно, продолжал бы оставаться им и дальше, если бы моя двенадцатилетняя дочь не решила поделиться с моей матушкой известием о том, что к нам едет Ревизор... тьфу ты. Ну, не Ревизор. Вообще-то, бывшего мужа звали Сергеем, но последние шесть лет я старалась об этом не вспоминать.

Крош услышал. Понял. Задумался. Накрутил себя за ночь, сделав к утру определённые выводы. Вполне правильные выводы. По крайней мере, моя совесть подсказывала мне, что ребёнок имеет полное право обижаться на судьбу за то, что у него всё не так. Ладно,

не на судьбу, на меня. Но ведь прошлого не изменить? Не изменить. Поэтому и нам всем надо было с этим как-то жить. Собственно, чем мы упорно и занимались последние пять лет.

Спустя полчаса времени и сотни неудобных для меня вопросов, сын уснул, прижимая к себе голубого зайца. Я тихо вышла из его комнаты, аккуратно притворив за собой дверь, проверила спящую дочь, поправив ей одеяло, и лишь только после этого позволила себе запереться в ванной и разреваться. Серёжа возвращался в город.

Контрастный душ помог немного прийти в себя, поэтому из ванной я выходила уже вполне успокоившаяся, запрещая любые мысли о бывшем муже.

На этот раз в коридоре меня встретила Анютка, заспанная и лохматая.

– Ты чего? – удивилась я, когда дочь налетела с объятиями, с силой прижимаясь ко мне. Казалось бы, вон какая тощая, вопреки всем стараниям моей мамы, а сильная... у меня аж кости хрустнули. – Ань, ну что такое?

– Мам, – зачистила она. – Я не специально, Крош сам всё подслушал, я не думала, что он на кухню придёт...

– Тсссс, – останавливая я поток её слов. – Давай ещё раз. Но с самого начала.

Нового я, конечно, ничего не узнала. Разве что только в очередной раз убедилась в том, что приезд Ревизора – дело решённое и необратимое. У меня был лишь один-единственный вопрос:

– Мне почему не сказала?

– Я думала, что ты расстроишься.

– А бабушка не расстроится, – всплеснула я руками, уже догадываясь о том, что последует дальше.

И дочь, разумеется, не подвела.

– Ну, бабушка к папе хорошо относится...

Мы познакомились ещё в школе. Четырнадцатилетние, юные, неугомонные и слегка безбашенные.

Серёжка Измайлов перевёлся к нам в середине учебного года, и по какой-то нелепой случайности нас посадили вместе. Жилистый, высокий, с коротким ёжиком тёмных волос и наглым взглядом исподлобья. Завалился ко мне за парту, широко расставив свои уже тогда длинные ноги, захватывая большую часть свободного пространства. Пришлось презрительно фыркнуть и хорошенько пнуть его в голень. За что уже на следующий день я поплатилась своими длинными волосами, в которые самым невинным образом прилетела жевательная резинка со стороны нового соседа. Спустя пару дней, в момент бурной радости по поводу моей новой причёски, из моих рук неожиданно вылетела открытая бутылка с водой и прилетела ровнёхонько на лежащие рядом тетради и учебники. Угадайте чьи. Правильно, сидящего по соседству Измайлова, одарившего меня взглядом, полным ничем не прикрытой ненависти.

Следующие несколько месяцев оказались гонкой на выживание. Он прятал мои вещи – я заливала его тетради клеем, он подкладывал мне кнопки – я стучала на него учителям, когда он пытался списывать у нашей отличницы Катки, за что он подговаривал своих дружков, чтобы те дразнили меня

«Воблой». Раза четыре я почти улетала с лестницы, больно ударившись разными частями тела, а он случайно получил локтем в нос на уроке физкультуры. В общем, полгода для нас пролетели весело, с шумом и гамом. Но самым поразительным было то, что все наши баталии прошли незамеченными для взрослых.

Измайлов стоически молчал каждый раз, когда его отчитывали за испорченные вещи, а я находила оправдания в глазах мамы своей невезучести и новым синякам.

А потом было лето и после экзаменов мы не виделись целых два месяца. За это время он успел ещё больше вытянуться и возмужать,

а я превратиться из воблы во что-то более женственное и заметно привлекательное.

Первое сентября 10-го класса принесло приятный сюрприз со стороны Измайлова. Конфеты, предложение о перемирии и лукавую улыбку, от которой внутри меня что-то впервые дрогнуло.

Наш школьный роман, если его, конечно, можно назвать таковым, завязался как-то незаметно. Сначала просто стали гулять в одной компании, пили пиво в подворотнях, пели песни под гитару и в тайне ото всех курили одну сигарету на двоих за гаражами. Не то чтобы всерьёз, скорее уж просто пробуя границы дозволенного и экспериментируя. Это была неплохая дружба, в один прекрасный день переросшая во что-то большее.

Всё началось банально. Со всеобщих подколов, когда кто-то из учителей попытался рассадить нас.

– Измайлов, отсел от Гордеевой, – потребовал уже стёршийся из моей памяти некто.

Серёжка поначалу притворился глухим, но после того, как приказ был повторён ещё более железным тоном, он неожиданно схватил меня за руку и безапелляционно заявил:

– Либо вместе, либо никак.

На самом деле, мне кажется, что он тогда заартачился просто так, из любви к спорам или неподчинению. И лишь потом, когда все окружающие стали нас звать «либо-либо», он действительно задумался о том, что натворил. Но было поздно. И очень быстро из «либо-либо», мы превратились сначала в краткое «любо», а потом и вовсе в «любовничков». Было смешно. Первые раз сто. Потом обидно. Потом стало раздражать. Почему-то каждый считал своим долгом сунуть свой длинный нос в наши дела. Я психовала, Серёга злился. Пока всё не обернулось приступом полного абсурда.

– Эй, Серый, – кричал Ванька Лизунов, наш одноклассник и главный балагур района, – ты чего сегодня такой хмурый? Или Олька не даёт?

При этом он сально подмигнул мне и залился громким смехом, довольный своей шуткой. Я не то чтобы засмущалась, но скорее растерялась. Грубостью меня было не удивить, ибо росла я в доме с двумя старшими братьями. Но осадок всё равно остался, как если бы Ванька задел что-то очень... личное.

– Пасть закрыл, – огрызнулась я Лизунову, из-за чего тот возмущённо подскочил на месте.

– Ах ты шмара, – грязно выругался он, уже вовсю готовясь напомнить, где моё место.

Но Серёга его опередил, со всего размаха двинув уже бывшему другу в ухо. Мы тогда их еле растащили. Не знаю, каких бы дел натворил Измайлов, если бы в конце концов я не повисла у него на груди с воплями «Серёжа, не надо».

В тот вечер мы впервые поцеловались. Побитый рыцарь, решивший постоять за честь дамы. Сейчас смешно, а тогда действительно казалось героизмом.

Мы стояли у нас во дворе, и я, не удержавшись, провела пальцами по его разбитой брови. К слову, кровь мы с трудом сумели остановить, а шрам с той драки остался у него навсегда. Серёжка перехватил мою руку, неожиданно сжав её своей горячей ладонью.

– Оно того не стоило, – выдавила я, заворожённо смотря в его серые глаза.

– Стоило, – вдруг резко отрезал он. – Ты ещё и не такого стоишь.

Удивилась ли я? Да, наверное. Но скорее не самим словам, а тому эмоциональному напору, что слышался в его голосе.

Я думала что-то возразить, но Измайлов не дал, резко наклонившись и поцеловав меня своими шершавыми губами. Это сложно было назвать настоящим поцелуем, скорее детские игры, когда один прижимается к другому. Но попытка была предпринята, и я поплыла. Пока ещё формально.

Вот с того поцелуя всё и началось. Мы ходили по школе, гордо взявшись за руки, не упуская ни единой возможности случайно или специально прикоснуться друг к другу. Серёжка достаточно быстро

обнаглел, по-хозяйски обнимая меня при любом удобном случае. А я не сопротивлялась, потому что сразу же поняла, что мне всё очень нравится.

А ещё мы старательно и методично постигали науку поцелуев. Сначала осторожно и аккуратно, смущаясь друг друга и нелепо сталкиваясь носами. Но, как известно, с практикой приходит техника, и с каждым днём наши поцелуи становились всё более пыльными и изощрёнными. Правда, нам пока хватало мозгов не делать этого на людях.

Беда пришла в тот день, когда наша классная заметила у меня характерную отметину на шее. Так родители и узнали про наш долгоиграющий школьный роман. Поэтому 11-й класс прошёл для нас под тотальным родительским контролем, особенно старалась Серёгина мама, отчего-то возмущённая именно моей прытью.

Своё прозвище «Ревизор» Измайлов получил на выпускном экзамене по русскому языку, когда по ошибке причислил его к работам Пушкина. Мы тогда вообще чуть не остались без аттестатов, с трудом набрав нужное количество баллов. Нам было семнадцать, и в нас во всю играли гормоны.

Мне кажется, что только поэтому мы и решили с ним пожениться, едва стали совершеннолетними. Просто надоело ныкаться от родителей по углам, да и чувства наши тогда казались великими.

Измайлов учился в техникуме на автомеханика, а я каким-то чудом смогла поступить в вуз на экономику. Только если у Серёжки глаза горели от всех этих машин и шестерёнок, то я честно изнывала от скуки на лекциях и семинарах.

А ещё нам до ужаса хотелось свободы.

День, когда мы сообщили нашим семьям о том, что подали заявление в ЗАГС, не то чтобы шокировал прям всех, скорее уж вогнал в лёгкую панику.

– Непутёвые, – вздохнула тогда моя мама, Маргарита Александровна.

– Оболтусы, – вторила ей мать Серёжки, Екатерина Максимовна.